

© 2019 г.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ, КОНЦЕПТЫ И ПОЛИТИКА (о XIV Конференции Европейской социологической ассоциации)

Конференция ЕСА «Европа и вне: границы, барьеры и принадлежность» (*Europe and Beyond: Boundaries, Barriers, and Belonging*) состоялась 20–23 августа 2019 г. в Манчестере. В докладах чувствовалась обеспокоенность исследователей по поводу актуальности существующих направлений и методов анализа социальных изменений: «liquid modernity» (текущая современность), глобализация, миграции, рост национализма и популизма, наконец, Брекзит. Конференция показала стремление ее участников обсудить и согласовать ключевые концепты и подходы, учитывая глобальные тренды развития социальной науки, исследовательский опыт участников и социологические традиции представляемых ими стран.

Предложенные для обсуждения идеи «принадлежности», «барьеров» и «границ» указывают на проблемы, связанные с деструктуризацией и индивидуализацией постиндустриального общества, с особенностями их репрезентации в политике. Как отметила президент ЕСА **С. Скотт**, эти концепты с каждым годом становятся все более дискуссионными. В 1996 г. Э. Хобсбаум писал, что в мире, где все движется и перемещается, в котором ничто не является надежным, люди ищут группы, к которым они могут принадлежать раз и навсегда¹. Спустя всего три года З. Бауман напишет о нишах, которые настолько хрупки, что разрушаются раньше, чем восстанавливается принадлежность к ним².

Новые типы принадлежности бросают вызов как обыденному, так и социологическому мышлению. Одним из подтверждений тому стал доклад **М. Боатки** (Manuela Boatcă) «Европа иначе. О деколонизации, креолизации и межимпериалистичности», где было показано стремление переосмыслить универсальные категории, экстраполированные из «упрощенной» версии европейской истории, которая игнорирует как опыт Востока и Юга Европы, так и колониальную и имперскую историю Запада. Автор ссылается на ключевой концепт европейской социологии «класс», отражающий специфический исторический и социоэкономический контекст западноевропейского индустриального общества, который сфокусировал внимание на процессах, свойственных именно этому контексту. В результате классовый конфликт, социальное неравенство и социальная мобильность внутри государств-наций стали более видимыми проблемами, чем колониализм, работорговля, европейская иммиграция и эмиграция, и были непропорционально репрезентированы как мейнстрим социологической теории в Европе и за ее пределами.

Социальные трансформации привели к тому, что на смену классовым конфликтам пришли конфликты идентичностей, в которых источник угрозы общественному порядку часто не очевиден. **М. Вивьёрка** (Michel Wieviorka), продолжая мысль М. Боатки, подчеркнул, что в индустриальную эру идея культурного структурирования социальных отношений в странах западного мира могла быть только вторичной, случайной или подчиненной идее структурирования через производственные отношения. Ссылка на культурную

¹ Hobsbawm E. The Cult of Identity Politics // New Left Review. 1996. No. 217. P. 40.

² Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. С. 41.

идентичность для индустриальных обществ скорее относилась к теме единства в рамках нации или религии – особенно когда они совпадали. Сегодня же культурные различия, этническая и конфессиональная принадлежность «разожгли страсти и ужасную напряженность» во многих странах, между национальными государствами и в глобальном масштабе. Реакцией на стремительно усложняющуюся реальность стал популизм, который не имеет, но лишь имитирует наличие ясного понимания проблемы и программы действия. Вивьёрка рассматривает проявления популизма – в политической идеологии, поведении политических лидеров и публичных коммуникациях, но во всех случаях он отмечает локусы, которые игнорируют растущую разнородность и сложность современного общества. Если с классовыми конфликтами можно было справиться при помощи ограничительных, запретительных и силовых методов, то конфликты идентичностей требуют иных подходов – управления ценностно-культурным релятивизмом и универсализмом, что является вызовом для государства и его политики.

Рост интереса к «периферии» социологического знания обусловлен не только усложнением социальной жизни, но и глобализацией науки, смешением исследовательских культур, выходом на авансцену исследователей, чьи взгляды сформировались под влиянием не западноевропейского социоэкономического и культурного контекста. Оказалось, и Европа слишком разная, чтобы отдельные ее части воспринимали позицию ведущих государств как непреложную истину. По мнению **Г.К. Бхамбра** (Gurminder K. Bhambra), Европейский проект как раз означает фактический мультикультурализм³, признание многокультурной истории и многокультурного настоящего Европы. Мультикультурализм как политика представляет собой реализацию соответствующей концепции и меры, направленные на обеспечение конструктивного сосуществования расовых, этнических, культурных и религиозных групп в рамках одного государства. В конфликте фактического и политического мультикультурализма Бхамбра видит причину растущего национализма и популизма, которые занимают центральное место в политике Брекзита. В мультикультурализме европейские политические лидеры увидели угрозу общественному порядку и единой политической культуре, базирующейся на общих для всех проживающих в данном государстве ценностях.

Конфликты между усложняющейся социальной реальностью, ключевыми концепциями социологии и современной политикой стали основным фоном большинства обсуждаемых конференций проблем. На примере девальвации «американской мечты» США и по всему миру проф. Гарвардского университета **М. Ламон** (Michele Lamont) показывает, что социокультурные изменения не происходят в вакууме. Она призвала улучшить понимание того, как создается публичная сфера, какие группы оказывают наибольшее влияние, как поощряются и распространяются религиозные, политические, рыночные «месседжи». Движение в данном направлении требует объединения выводов по ряду таких разрозненных, но взаимосвязанных тем: как устроен культурный фон; как культурные идеи получают резонанс, а элиты формируют общественное мнение; как социальные движения преодолевают символические границы, чтобы завоевать общественную поддержку; как идеи социальных наук проникают в политику и общественное мнение. Наконец, необходимо изучить изменение социальных представлений о процессах культурного распространения на макроуровне (политическая культура, национальные идеологии и идентичности), мезоуровне (научные, образовательные и культурные учреждения, СМИ) и на микроуровне (например, реакция индивида на дискриминацию).

³ Понятие «фактический мультикультурализм», введенный Бертольдсом Лёффлером для анализа ситуации в Германии, означает «стихийное» взаимопроникновение культуры мигрантов и принимающего общества без ссылок на какие-либо идейные концепты или государственные программы, регулирующие иммиграцию и интеграцию мигрантов. См.: Löffler B. Integration zwischen Multikulturalismus und Assimilation // Die Politische Meinung. Zeitschrift für Politik, Gesellschaft, Religion und Kultur. 2011. № 500/501. S. 57–62.

Д. Холмвуд (John Holmwood), представитель стороны защиты в этом деле, показал сложную коммуникацию тех трех уровней и актуальность проблем, о которых говорила М. Ламон. При этом он подчеркнул роль публичной социологии как важного гуманитарного проекта, направленного на поддержку идеи социальной справедливости в контексте широко распространенных общественных стереотипов, манипулирования информацией и злоупотреблений властью.

Доклады российских участников отразили актуальные проблемы российского общества. Из более чем 50-ти выступлений большая часть была посвящена проблемам коммуникации, в том числе в социальных сетях и повседневных практиках, диалогу власти и общества, включая политические идентичности и расколы, профессиональным отношениям, молодежи и образованию. В программе конференции также были доклады по проблемам социального самочувствия, гендера, локальных сообществ. Российская действительность стала предметом интереса исследователей из географически близких прибалтийских и скандинавских стран (Литва, Польша, Норвегия, Финляндия, Швеция), а также Франции, Германии, Англии, представивших результаты исследований в основном «низовых» практик – деятельности НКО, городских и протестных движений. При этом в работах зарубежных коллег интерес представляет сравнительный анализ, дающий возможность лучше понять наши собственные проблемы и к тому же является тем самым опытом, где лучше верифицируются и совершенствуются универсальные принципы и методы исследований.

Своего рода обобщение поднятых на конференции проблем можно было услышать в выступлении президента МСА **С. Ханафи**: универсальность некоторых социологических концепций возможна только через перекрывающийся межкультурный консенсус, а не на путях универсализации ценностей, имеющих корни, в данном случае, в европейском контексте. Дело здесь не только в западной гегемонии производства знания. Смены подходов недостаточно для объяснения проблем производства знаний, необходимо учитывать причины социальных трансформаций и способы их репрезентации в политике и общественном сознании.

И.Н. ТРОФИМОВА

ТРОФИМОВА Ирина Николаевна, д. полит. н., вед. науч. сотр., Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (itnmv@mail.ru).

DOI: 10.31857/S013216250007740-7

SOCIAL CHANGE, CONCEPTS AND POLICY: Reflecting on the Results of the 14th European Sociological Association Conference

Irina N. TROFIMOVA, Dr. Sci. (Polit.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (itnmv@mail.ru).
